

UOT 73/76

ORCID: 0009-0002-6214-4432

DOI: 10.52094/UWIY1991

Наргиз Гулиева Новруз гызы
Азербайджанской государственной академии художеств
Докторант
naraazizova@yahoo.com

СЦЕНОГРАФИЯ ВАЛЕРИЯ ДОРРЕРА В БАЛЕТЕ «ТРОПОЮ ГРОМА»: ВИЗУАЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА И ТРАГЕДИИ МЕЖРАСОВОЙ ЛЮБВИ

Резюме: Статья анализирует сценографию Валерия Доррера в балете «Тропую грома» (1958) на музыку Кара Караева, удостоенном Ленинской премии, где творческий метод художника, основанный на лаконизме формы, интенсивности цветовых контрастов и многослойном символизме, создал визуальное воплощение трагедии межрасовой любви в условиях апартеида в Южной Африке.

Автор исследует ключевой образ «Птичьего дома» как метафору гетто и несвободы, анализирует четыре ключевые сцены – монохромный пейзаж угнетения, празднество в гетто, сцену с гитарами как символом культурного сопротивления и интимное па-де-дё в черно-белой эстетике с соединенными руками как символом попытки преодолеть расовый барьер – и демонстрирует, как эволюция визуального языка создает драматургию, где декорация становится языком социального комментария, превращающим балетный спектакль в мощное гуманистическое высказывание о борьбе за свободу и человеческое достоинство.

Ключевые слова: Валерий Доррер, сценография, балет «Тропую грома», визуальная драматургия, минимализм, символизм, цветовой контраст, черно-белая эстетика.

Острым чувством современности проникнута музыка балета Кара Караева «Тропую грома», музыкальная драматургия которого отличается непрерывностью развития, где конкретность танца соединяется с широким симфоническим дыханием, а оформление стало одной из лучших и наиболее знаковых работ Валерия Доррера как художника-постановщика.

Художник театра и кино Валерий Иванович Доррер в 1944–1948 годах работал в декорационных мастерских Театра имени Кирова у М.П. Зандина, создавая декорации, которые отличались аскетичностью решений, интенсивностью цветовых контрастов и скупостью деталей, где характерное для художников 1960-х годов стремление к лаконизму изображения превалировало в его сценографии до начала 1980-х годов [6, s.7].

Премьера балета «Тропюю грома» в оформлении Валерия Доррера состоялась 4 января 1958 года в Ленинградском театре оперы и балета имени С.М. Кирова (ныне Мариинский театр), где хореографом-постановщиком выступил Константин Сергеев, а дирижером – Евгений Светланов, и эта работа стала значительным достижением в творчестве Доррера, получив высокую оценку современников и будучи удостоенной в 1967 году Ленинской премии [8].

В сценографии балета Доррер смог передать страстный и сильный голос художника, главной темой творчества которого была борьба за счастье человека, что полностью соответствовало духу произведения, основанного на романе о расовой дискриминации и стремлении к свободе [1, s.57].

Либретто балета создано по мотивам романа «Тропюю грома» (1948) южноафриканского писателя Питера Абрахамса, одного из первых чернокожих авторов, получивших международное признание, написанного в период становления системы апартеида в Южной Африке (официально введен в 1948 году) и раскрывающего темы расовой дискриминации, запретной любви между представителями разных рас и борьбы за человеческое достоинство и свободу в условиях, где между белыми, цветными (происходившими от смешанных союзов) и черными жителями существовали непреодолимые преграды [7].

Балет «Тропюю грома» рассказывает трагическую историю любви между молодым учителем из цветного населения Ленни Свартцем и белой девушкой Сари (в балете – Вероникой) в условиях расовой сегрегации в Южной Африке, где их запретное чувство сталкивается с жестокой системой апартеида, приводя к гибели героя, но оставляя надежду на продолжение борьбы за свободу и человеческое достоинство [7].

Сценография Валерия Доррера в балете «Тропюю грома» отличалась характерным для художника стремлением к лаконизму изображения и аскетичности решений, где он избегал излишества деталей, фокусируясь на создании обобщенного выразительного образа и используя интенсивные

цветовые контрасты для подчеркивания драматизма и трагизма произведения, при этом декорации и костюмы отражали трагический сюжет через яркие запоминающиеся образы, среди которых выделялся фасад «Птичьего дома» с балконами, напоминающими гнезда, мотив которого повторялся в костюмах горожан, создавая единое художественное целое и подчеркивая атмосферу места действия, где цветовое решение становилось важнейшим элементом создания эмоциональной атмосферы спектакля.

Творческий метод Валерия Доррера основывался на синтезе с хореографией, где декорация выступала партнером танца, создавая пространство для движения и визуальную поддержку хореографии, на архитектурном подходе с построением сценического пространства через работу с объемами и планами при конструктивности решений, на живописности, где цвет становился драматургическим элементом наряду со световой партитурой, фактурами и текстурами, а также на символизме, проявляющемся в обобщенных образах, метафоричности и многослойности прочтения [5, s. 36].

Трагический настрой сценографии отражал сюжет балета через темы расовой дискриминации в Южной Африке, борьбы за свободу и достоинство, трагедии личности в условиях апартеида и социального протеста, что визуально воплощалось в мрачной давящей атмосфере, контрасте между угнетателями и угнетенными, символах несвободы в виде решеток и ограждений, а также образах надежды и сопротивления [3].

Декорации спектакля отражали характерные для Доррера лаконичные обобщенные формы и интенсивные цветовые решения, где оформление включало контрастные картины ночного Кейптауна с цветной рекламой и выжженные солнцем пейзажи африканской равнины под огромным небом, что создавало яркий и драматичный образ, воплощающий географию и атмосферу южноафриканского конфликта.

Образность и символизм сценографии концентрировались вокруг ключевого образа «Птичьего дома» – фасада с балконами-гнездами, служившего метафорой гетто и резервации, символом скученности и несвободы с горькой иронией о том, что птицы свободны, а люди заключены в клетки, при этом художественное решение предполагало повторение этого мотива в архитектуре декораций и его отражение в костюмах горожан, создавая единый визуальный код и связь пространства с персонажами, что производило эффект целостности художественного мира, узнаваемости

места действия, усиления символического подтекста и создания визуальной метафоры социального устройства, где архитектура становилась не просто фоном, а активным участником драматургического действия.

Сцена празднества в гетто, где жители празднуют и танцуют, встречая главного героя Ленни, возвратившегося с учебы и получившего диплом бакалавра, символизирует надежду на изменения и демонстрирует, что несмотря на угнетение, они сохраняют культуру и жизненную силу, воплощая контраст между внешней бедностью и внутренним богатством духа, что становится ключевым моментом в драматургии балета, показывающим несломленность человеческого духа.

Сценографическое решение строилось на темном нейтральном фоне, возможно, со стилизованными элементами гетто, с акцентом на фигурах, а не на декорациях, ярком контрастном освещении, выделяющем солистов на переднем плане и создающем глубину через свет, в открытом просторном пространстве, дающем возможность для массовых сцен и динамики движения, что позволяло хореографии развернуться в полную силу и передать энергию празднования.

Контрастные костюмы центральных фигур с геометрическими узорами символизировали индивидуальность каждого персонажа, разнообразие внутри угнетенного сообщества, яркость духа, несмотря на внешнюю бедность, культурную идентичность через африканские мотивы, корни, художественность и сопротивление через культуру, визуально привлекая внимание к солистам, создавая визуальный ритм, графическую выразительность, динамику и контраст с монохромными сценами угнетения, что подчеркивало способность сохранять красоту и достоинство в условиях дискриминации.

Сценическое решение одной из сцен, которую условно можно назвать пейзажем угнетения, основывалось на минималистичной декорации с практически пустым сценическим пространством, отсутствием детализированных декораций и акцентом на силуэтах и формах в монохромной цветовой гамме сине-серых тонов, где ключевыми элементами декорации выступали стилизованное мертвое дерево с голыми ветвями слева, холмистый ландшафт с одиноким деревом на горизонте в центре заднего плана и архитектурный элемент справа, возможно, часть здания или стены, создающие композицию угнетения и безнадежности.

Мертвое дерево слева выступало символом смерти, безнадежности, выжженной земли апартеида, отсутствия жизни и роста, метафорой угнетенного общества, визуально создавая мрачную атмосферу, усиливая трагический настрой и обеспечивая композиционный баланс сцены, в то время как одинокое дерево на горизонте, контрастируя с мертвым деревом на переднем плане, символизировало надежду, далекую свободу, недостижимую цель и природу как свидетеля человеческой трагедии, визуально создавая глубину пространства, выступая фокусной точкой на горизонте и символом отдаленной мечты.

Холмистый ландшафт, представляющий южноафриканскую саванну, символизировал пустынную, изоляцию, границу между мирами гетто и

«белого» мира, путь «тропы грома», визуально создавая ощущение бескрайности и одиночества, подчеркивая малость человека перед системой и обозначая место конфликта и трагедии, а архитектурный элемент справа, возможно, часть «Птичьего дома» с балконами-гнездами, символизировал угнетающую цивилизацию, границу, стену, барьер и элемент городской среды гетто, визуально создавая композиционное обрамление, ощущение замкнутости и контраст с природными элементами.

Костюмы персонажей несли символическую нагрузку, где центральная фигура в полосатом костюме воплощала маркировку, клеймо, ассоциировалась с тюремной одеждой и символизировала лишение свободы с визуальным выделением жертвы, правая фигура в белом костюме, где белый цвет означал власть и доминирование, контрастировала с «маркированным» персонажем, символизируя угнетателя и расиста с иронией чистоты при моральной нечистоте, а левые фигуры в темных костюмах, сливаясь с мрачной атмосферой, символизировали угнетенный народ и анонимность страдания.

Сценографическое решение третьей сцены строилось на минималистичной, но выразительной декорации с драпировками на заднем плане в бирюзовых тонах, архитектурным элементом справа, акцентом на фигурах и реквизите, где цветовые пятна создавали атмосферу, ярком контрастном освещении, выделяющем центральную фигуру, создающем глубину и подчеркивающим цвета костюмов и гитар, в открытом просторном пространстве с возможностью для массовых сцен, диагональным построением и многоплановой композицией, что позволяло создать визуально насыщенную и символически многослойную сцену.

Контраст с предыдущими сценами демонстрировал эволюцию визуального языка от первой монохромной сцены с символизмом, абстракцией, трагизмом, угнетением и минимализмом через вторую яркую сцену без реквизита с реализмом, конкретностью, жизненной энергией и празднованием к третьей сцене с гитарами, воплощающей символизм через реквизит, культуру как сопротивление, синтез реализма и метафоры и визуальную насыщенность, что создавало драматургическую арку от отчаяния через надежду к активному сопротивлению.

Функция этой сцены состояла в демонстрации культуры как сопротивления через гитары, как символ культурной идентичности, музыку как форму протеста и искусство как «оружие», в создании контраста миров через противопоставление центральной фигуры в белом и цветных костюмов как «белого» и «цветного» миров, недостижимой мечты и реальности, в воплощении визуальной метафоры, где гитары становились визуальным языком, цвет – символом, а композиция – драматургией, и в эмоциональном воздействии через яркость и энергию, контрастирующие с трагизмом сюжета и утверждающие красоту несмотря на угнетение, что делало эту сцену кульминационным моментом в утверждении человеческого достоинства через искусство.

Интимная лирическая сцена из балета «Тропюю грома» – па-де-дэ между темнокожим танцовщиком и белой балериной – представляет собой визуальное воплощение центрального конфликта балета: межрасовой любви в условиях сегрегации, выполненная в черно-белой эстетике, что усиливает символизм и драматизм сцены, где в контексте балета эта сцена представляла собой центральный конфликт любви Ленни и Вероники, межрасовые отношения в условиях сегрегации, невозможность быть вместе и трагедию, приводящую к смерти Ленни, и социальный комментарий с

критикой расизма, утверждением равенства, красотой любви вопреки барьерам и трагедией предрассудков.

Возможная драматургическая функция включала сцену любви с признанием в чувствах, моментом близости, радостью соединения и красотой любви, сцену мечты, где Ленни мечтает о Веронике, воплощая невозможную любовь, идеализацию и недостижимую мечту, сцену прощания с последней встречей, осознанием невозможности быть вместе, трагедией разлуки и болью расставания, сцену протеста с утверждением права на любовь, вызовом обществу, равенством в чувствах и сопротивлением через любовь, и символическую сцену как визуализацию конфликта, метафору расового разделения, красоту и трагедию контраста и невозможность соединения миров, что делало эту сцену эмоциональным и драматургическим центром всего балета.

Композиция и пространство строились на минималистичной сценографии с простым серым занавесом на заднем плане, деревянным полом сцены, полным отсутствием декораций и акцентом на фигурах танцовщиков, центральной композиции с двумя танцовщиками в центре кадра, симметричным, но динамичным расположением, соединенными руками как центральной точкой и открытым пространством вокруг, мягком равномерном освещении, подчеркивающим контраст кожи, создающем

объем и глубину в классической театральной манере, что позволяло сфокусировать все внимание на взаимодействии персонажей и символике их соединения.

Темнокожий танцовщик Ленни, главный герой балета, образованный молодой человек из гетто, стремящийся к свободе, любви и равенству, трагический герой, воплощающий контраст между «цветным» происхождением и стремлением к «белому» миру, представлен в черно-белой рубашке с геометрическим узором из квадратов и полос, черных облегающих трико, с контрастным графическим дизайном, в открытой экспрессивной позе с рукой, вытянутой к партнерше, головой, откинутаю назад, выражающей экстаз, радость или страдание, в классической балетной позиции с элементами характерного танца, что визуальнo воплощало его положение между двумя мирами и стремление преодолеть расовые барьеры через любовь и искусство.

Белая балерина Вероника, возлюбленная Ленни, символ недостижимой мечты, представительница «белого» мира, воплощающая чистоту, невинность и классический балет как символ «высокой» культуры, трагическая любовь, представлена в классическом белом романтическом платье из легкой воздушной ткани (шифон, тюль) с короткими рукавами, романтической пачкой средней длины, белых пуантах, с волосами, собранными в классический балетный пучок, в классической балетной позиции с рукой, вытянутой к партнеру, головой, откинутаю назад, взглядом вверх, на пуантах (*en pointe*), воплощая легкость, воздушность, грацию и элегантность, что создавало визуальный и символический контраст с образом Ленни и подчеркивало пропасть между их мирами.

Соединение рук как ключевой символ выполняло визуальную функцию центральной точки композиции, фокуса внимания зрителя, точки пересечения двух миров и геометрического центра кадра, контраста темной и светлой кожи как визуального воплощения расового контраста и символа попытки соединения, хореографической связи классического па-де-дө, партнерства, поддержки, взаимодействия и диалога, и несло символическое значение попытки соединения «цветного» и «белого» миров, любви вопреки барьерам, стремления к единству и преодоления разделения, хрупкости связи, где только руки соединены, а тела разделены пространством, невозможности полного слияния и трагизма невозможности быть вместе, равенства в танце, где в искусстве нет расовых барьеров, танец выступает

универсальным языком, проявляется красота соединения и гармония в движении, контраста и притяжения, где противоположности притягиваются, проявляется визуальная красота контраста, эстетика различия и трагедия невозможности соединения, что делало этот жест центральным визуальным и смысловым элементом всей сцены.

Контраст костюмов проявлялся через черно-белый геометрический узор Ленни, воплощающий смешение черного и белого на одном костюме как символ его положения «между мирами», образованного человека из гетто, пытающегося соединить два мира в себе, возможно, с африканскими мотивами в узоре, костюм для характерного танца с элементами народного и современного танца, босыми ногами, свободой, экспрессией и «низкой» культурой в глазах общества, и чистый белый цвет платья Вероники, классический балетный стиль, символ «белого» мира, чистоты, невинности, недостижимой мечты, традиции и устоявшегося порядка, классический балетный костюм романтической традиции с пуантами, академизмом, строгостью и «высокой» культурой, что визуально воплощало не только расовое, но и социальное, культурное разделение между персонажами.

Черно-белая эстетика выполняла функцию усиления символизма через буквальное воплощение «черного» и «белого», контраст как визуальную метафору, отсутствие полутонов в переносном смысле и четкость противопоставления, классической эстетики как отсылку к классической фотографии балета, вневременность, художественность и документальность, акцента на форме и линиях без отвлечения на цвет, чистоту балетных линий, геометрию тел и скульптурность, и драматизма через контрастность, эмоциональную силу, трагизм и серьезность темы, что превращало визуальное решение в философское высказывание о природе расового конфликта и невозможности преодоления социальных барьеров.

Сценография Валерия Доррера в балете «Тропую грома» представляет собой выдающийся пример того, как минималистичная эстетика, интенсивные цветовые контрасты и глубокий символизм могут создать мощное визуальное воплощение социальной трагедии и борьбы за человеческое достоинство, где творческий метод художника, основанный на лаконизме формы, архитектурном подходе к пространству и многослойной символике, позволил создать художественный мир, в котором каждый элемент – от образа «Птичьего дома» как метафоры гетто до геометрических узоров на костюмах – несет глубокую смысловую нагрузку, воплощая

центральный конфликт балета: трагедию межрасовой любви в условиях апартеида [4].

Эволюция визуального языка от монохромных сцен угнетения с мертвым деревом и холмистым ландшафтом как символами безнадежности и изоляции через яркие сцены культурного сопротивления с контрастными костюмами и геометрическими узорами, воплощающими яркость духа и культурную идентичность, к сцене с гитарами как символом искусства как «оружия» и, наконец, к интимным черно-белым сценам па-де-дэ с соединенными руками как попыткой преодолеть расовый барьер, демонстрирует мастерство Доррера в создании визуальной драматургии, где декорация становится полноценным партнером хореографии, а цвет и форма – языком социального комментария, превращающим балетный спектакль в мощное политическое и гуманистическое высказывание.

Работа над балетом «Тропюю грома», удостоенная Ленинской премии в 1967 году, остается одним из значительных достижений советской сценографии, демонстрируя актуальность и художественную силу, которые сохраняются спустя десятилетия и служат источником вдохновения для современных интерпретаций, включая адаптацию в гиперреалистичную 3D-анимацию, где принципы Доррера – синтез декорации с движением, архитектурный подход к пространству, драматургическое использование цвета и многослойный символизм – могут быть переосмыслены в новой технологической среде, сохраняя при этом глубину социального комментария и эмоциональную силу оригинального произведения, что подтверждает непреходящую ценность творческого наследия Валерия Доррера как художника, чье искусство говорило о борьбе за свободу и человеческое достоинство языком визуальной метафоры, понятным и актуальным в любую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонч-Осмоловская Е. Балеты Кара Караева "Семь красавиц" и "Тропюю грома" / Е. Бонч-Осмоловская – Москва: Советский композитор – 1961–89 с.
2. Ваганова И. «Я счастлив работать с вами...» (К истории постановки балета «Тропюю грома» в Кировском театре) // – Санкт-Петербург – Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой – 2011 – № 1.
3. Гаджибеков С. "Тропюю грома" // – Москва – Правда –1961, № 79.

4. Илупина А. Современность на балетной сцене // – Москва – Советская Россия – 1959, № 212.
5. Левитин Г. Валерий Доррер / Г.Левитин – Москва – 1977.
6. Серикова И. "Тропюю грома" // Ленинградская правда —1958.—№ 27
7. https://www.belcanto.ru/ballet_thunder.html
8. <https://theatre-museum.ru/persons/2534417>

Nərgiz Novruz qızı Quliyeva

VALERİ DORRERİN “İLDIRIMLI YOLLARLA” BALETİNİN SƏHNƏ DİZAYNI: SOSIAL ETİRAZIN VİZUAL DRAMATURGİYASI VƏ İRQLƏRARASI MƏHƏBBƏTİN FACİƏSİ

Xülasə: Bu məqalədə Valeri Dorrerin musiqisi Qara Qarayevin hazırladığı Lenin mükafatına layiq görülmüş “İldırımın yolu” (1958) baletinin quruluşu təhlil edilir. Rəssamın lakonik forma, gərgin rəng kontrastları və çoxqatlı simvolizmə əsaslanan yaradıcılıq metodu Cənubi Afrikada aparteid dövründə irqlərarası məhəbbət faciəsinin əyani təəcəssümünü yaratmışdır.

Müəllif “Quş evi”nin əsas obrazını getto və azadlığın olmaması üçün metafora kimi araşdırır, dörd əsas səhnəni təhlil edir: monoxrom zülm mənzərəsi, getto şənliyi, mədəni müqavimətin simvolu kimi gitaralarla səhnə və əllərini birbirinə bağlayan ağ-qara rəngdə intim pas de deux. vizual dilin təkamülü dramaturgiya yaradır ki, burada səhnə sosial şərh dilinə çevrilir, balet tamaşasını azadlıq və insan ləyaqəti uğrunda mübarizə haqqında güclü humanist ifadəyə çevirir.

Açar sözlər: Valeri Dorrer, səhnə tərtibatı, “Şimşək yolu” baleti, vizual dramaturgiya, minimalizm, simvolizm, rəng kontrastı, ağ-qara estetika.

Nərgiz Novruz gizi Guliyeva

VALERY DORRER’S SCENOGRAPHY IN THE BALLETT ‘THE PATH OF THUNDER’: VISUAL DRAMATURGY OF SOCIAL PROTEST AND INTERRACIAL LOVE TRAGEDY

Summary: This article analyzes Valery Dorrer's set design for the Lenin Prize-winning ballet “The Path of Thunder” (1958), set to music by Gara Garayev. The artist's creative method, based on a laconic form, intense color

contrasts, and multilayered symbolism, created a visual embodiment of the tragedy of interracial love under apartheid in South Africa.

The author explores the key image of “The Bird House” as a metaphor for the ghetto and lack of freedom, analyzing four key scenes—a monochrome landscape of oppression, a ghetto celebration, a scene with guitars as a symbol of cultural resistance, and an intimate pas de deux in black and white with clasped hands as a symbol of an attempt to overcome the racial barrier—and demonstrates how the evolution of visual language creates dramaturgy, where the set becomes a language of social commentary, transforming the ballet performance into a powerful humanistic statement about the struggle for freedom and human dignity.

Key words: Valery Dorrer, set design, ballet “The Path of Thunder”, visual dramaturgy, minimalism, symbolism, color contrast, black-and-white aesthetics.

Məqalənin redaksiyaya daxilolma tarixi: 02.01.2026

Məqalənin çapa qəbul olunma tarixi: 15.01.2026